

**Не в деньгах счастье,
но без них никуда**

Доктор Соммерс, в своих выступлениях Вы не раз говорили о скором окончании эпохи американского империализма. Почему Вы считаете, что такой конец может наступить?

В первую очередь потому, что реальная американская экономика ослабла в период глобализации, соответственно ослабла способность американцев доминировать в экономике. Вместе с тем и потому, что возросла экономическая мощь других стран — в первую очередь Китая.

А что с Россией? Ее экономическая мощь возросла или наоборот?

Увы, не возросла. До тех пор, пока руководство вашей страны не пересмотрит свою политику, в том числе налоговую, экономическое состояние России будет только ухудшаться. Чтобы этого не случи-

лось, российское правительство должно, с одной стороны, стимулировать реальное производство, а с другой — снижать стимул к извлечению ренты. Кроме того, экономика России слишком сильно зависит от экспорта нефти и газа, а на фоне общемировой тенденции к снижению стоимости энергии это не очень хорошо.

Вы рассуждаете о том, что мировой финансовый кризис будет в ближайшее время только нарастать, и прогнозируете, что будет через много лет. Как Вам это удастся и в чем суть подобных прогнозов?

Ну, слишком долговременных прогнозов я не делаю. В отличие, скажем, от корпорации *Sony*, которая составляет производственные планы на 200 лет вперед. Для своих прогнозов я использую исторические данные 5-, 50- или 500-летней давности, чтобы понять, как те или иные события могут развиваться в дальнейшем. Что касается кризиса, то я действительно думаю, что он может усугубиться. Это ждет нас в первую очередь в том случае, если не произойдет никаких изменений в политике правительств: не изменится налоговая политика, политика извлечения доходов.

Главная проблема сейчас — нехватка спроса. Для преодоления кризиса уже были использованы такие инструменты, как привлечение частного кредитования, применение кредитных карт, кредитование под залог недвижимости, погашение кредитного долга государством и т.д. Тем не менее спроса остро не хватает, и чтобы как-то его вернуть, надо возобновить рост зарплаты. Это единственный выход в создавшейся ситуации.

Что нас ждет после окончания эпохи американского империализма?

Когда я говорю о том, что время американской гегемонии завершается, я не настаиваю на том, что это произойдет со дня на день. Более того, у Америки еще есть шанс со-

Джеффри Соммерс — политолог и экономист с мировым именем, доктор философских наук, профессор политической экономики и государственной политики Университета Висконсин-Милуоки (США), приглашенный профессор Стокгольмской школы экономики в Риге и куратор Мемориальной библиотеки Андре Гундер Франка. Постоянный автор *The Financial Times* и *The Guardian*, он почти не живет в США. Некоторое время Соммерс прожил в Грузии, где своими «левыми» высказываниями вызвал ярость Михаила Саакашвили. Затем — в Латвии, где успел поднять «латвийский бунт против тэтчеризма», став врагом многих преданных этому режиму людей. Он не скрывает, что чувствует себя не вполне уютно в капиталистическом мире: не диссидентом, но инакомыслящим, которого, вероятно, терпят только из-за демократических принципов, провозглашенных в этих странах. В нашей стране он оказался по приглашению международной инициативы «Постглобализация», выступив с публичной лекцией и дав несколько интервью.

Интервью подготовлено Наталией Лесковой при содействии Александры Ждановской, эксперта PostGlobal

хранить ведущие позиции в мировой экономике. Все зависит от того, как США будут реагировать на изменение ситуации в мире. Есть хорошие знаки. Они стали менее агрессивными, не так сильно вмешиваются в дела других государств и ведут меньше военных операций, и даже когда ведут, им это удается со все большим трудом, а точнее, не удается вообще. В первую очередь потому, что у США теперь значительно меньше финансовых средств и финансировать военные операции в прежнем объеме они не могут. Но это не единственная причина. Они потеряли былую страсть к ведению войн.

Хорошо помню, как десять лет назад, когда начиналась операция в Ираке, американское общество с возбуждением встречало начало войны, и это было похоже на начало Первой мировой в 1914 году, когда все считали, что война будет короткой и эффективной, как легкое, приятное приключение. Сейчас ситуация изменилась. Многие понимают, что в войне мало хорошего. А точнее, ничего хорошего в ней нет. Вкус к войне ослаб, и воевать никто уже не хочет — не только правительство, но и простые американцы.

Другой фактор, способствующий разрушению американской гегемонии, состоит в том, что Америка потеряла ценные ресурсы в виде нефтяных резервов. До этого у американцев всегда был источник бесплатных доходов, поскольку государства хотели принимать их доллары. Сейчас китайцы и другие страны, в том числе Россия, скорее прибегают к обмену товара на товар, лишь бы избежать покупки долларов. Я думаю, данная тенденция будет только усиливаться. Для Америки это не очень хорошо, однако в дальнейшем это позволит создать стимул для восстановления реальной экономики.

Как в США и других странах относятся к Вашим идеям?

Надо сказать, Соединенные Штаты в целом очень фрагментированы.

Например, многие представители старшего поколения слушают по радио и смотрят по телевизору различные консервативные шоу и очень не любят правительство. Им представляется, что в целом американское государство — это одно большое домохозяйство, а случившийся кризис — это кризис конкретного человека. По их мнению, все, что остается делать в этой ситуации, — это урезать свои расходы. Экономить должен как конкретный человек, так и государство в целом. Им невдомек, что это отнюдь не выход из ситуации. Однако за всем этим стоят очень сильные интересы, которые направляют недовольство людей, их фрустрацию на те экономические направления, которые на самом деле несут пользу, — строительство школ, здравоохранение, предоставление социальных гарантий и т.д. Таким образом удастся сохранить социальный сектор, и это важно.

С другой стороны, настроение молодежи стало куда более критическим, чем еще два-три года назад. Достаточно широко обсуждаются те проблемы, о которых мы с Вами говорим. В нынешней ситуации, я думаю, мы можем рассчитывать на высокий уровень интеллектуальной дискуссии. Однако есть и тревожная тенденция. Начиная с 2008 года, когда разгорелся кризис, в Америке стали усиливаться правопопулистские консервативные настроения. Это очень тревожный феномен.

В Республиканской партии, которая является второй крупнейшей партией в США, всегда существовала некая неформальная группа, так называемая чайная партия. Это было сборище маргиналов, фанатиков, не вполне адекватных молодых людей, и мало кто воспринимал их всерьез. Сейчас же они контролируют всю Республиканскую партию, являясь в ней доминирующей силой. Эти люди считают, что, чем меньше государство, тем лучше. По их мнению, хорошо бы от него вовсе

избавиться. Методы при этом пропагандируют насильственные. Им свойственно крайне упрощенное понимание экономической и политической системы. Рост их влияния — новый феномен, возникший как раз в результате финансового кризиса. В 2010 году, когда были выборы в Конгресс, эти люди получили большинство.

Видите ли Вы аналогичные процессы в нашей стране?

Появление таких фашиствующих групп, которые могут оказывать все большее влияние на политическую и экономическую ситуацию, безусловно, глобальный тренд, характерный и для вашей страны. И это весьма тревожно. В истории мы неоднократно наблюдали такую последовательность: наступает финансовый кризис, начинается жесткая экономия, урезание и сокращение расходов, а потом к власти приходят радикальные режимы — Муссолини в Италии, Гитлер в Германии в начале 1930-х годов, когда после жесточайшей инфляции правительство «закругило гайки». То же самое было в Японии и ряде других стран.

А в России, где к власти пришел Сталин? Это тоже, с Вашей точки зрения, является следствием мирового финансового кризиса или причины иные?

Здесь связь не так однозначна, причины множественны, хотя можно сказать, что, безусловно, глобальный финансовый кризис внес свою лепту в то, что сталинизм набрал силу. Тогда советское правительство приняло решение об индустриализации, и оно, это решение, оказалось несвоевременным: как раз в тот период разгорелся финансовый кризис, цены на пшеницу — главную статью экспортных доходов — упали, и большевикам приходилось выколачивать из крестьян все больше продуктов, чтобы закупать машины для индустриализации. В этом смысле финансовый кризис привел к появлению системы тоталитаризма, которая надолго воцарилась в России. Однако

причины были не только эти, кризис был не единственной, но важной причиной сталинизма. Я подчеркиваю: опасность кризиса не только в том, что люди начинают жить беднее, но и в том, что происходит наступление на все главные права и свободы, включая право на жизнь. В этом основное зло финансового кризиса.

Какой Вы видите выход из финансового кризиса в глобальном масштабе?

В первую очередь я вижу здесь два главных инструмента: повышение доходов населения, особенно его средних и бедных слоев, и рост государственных расходов, укрепление финансового положения государства за счет необходимой налоговой реформы. Нужно устранить явление налогового демпинга — то, что обычно называется уходом от налогов, когда возникают офшоры со специальными низкими ставками. Меня очень удивило, что, когда разгорелся кризис на Кипре, российское правительство не высказало никакой критики в адрес самой системы офшоров, хотя для России вопрос ухода от налогов стоит очень остро. Два главных аспекта — повышение государственных расходов и повышение доходов представителей среднего класса — взаимосвязанные компоненты противокризисной политики. Кроме того, у государств должна быть другая экологическая политика. Нельзя вечно брать у природы, когда-то она воспротивится этому. Это отдельная большая тема, также чрезвычайно важная. И для вашей страны она также весьма актуальна.

Вы говорите об успешном применении неолиберальной политики в постсоветской стране, имея в виду Латвию. Как Вы полагаете, можно ли распространить этот опыт и на другие страны СНГ?

Такой опыт сложно повторить, в первую очередь потому, что Латвия очень маленькая страна. По официальным данным, там проживают 2 млн 200 тыс. человек, но

эта цифра раздута, на самом деле там проживают менее 2 млн человек. Поэтому такой опыт повторить, скажем, в России невозможно. Латвия этнически разделена, существуют противоречия между проживающими там русскими и латышами, и у властей есть инструменты, позволяющие играть на этих противоречиях.

Этническая политика — очень непростой, запутанный вопрос, и латышские власти допустили здесь много ошибок. Есть что покритиковать. К экономической же политике Латвии я отношусь еще более критически. Поэтому за эталон ее брать вряд ли стоит. После того, как разразился финансовый кризис, отсюда начался мощный отток населения, но, поскольку Латвия все же маленькая, соседние страны этих мигрантов смогли принять. Скажем, многих латвийских

Деньги сами по себе не приносят счастья, однако они нужны для того, чтобы человек чувствовал себя человеком.

мигрантов приняла Великобритания. Если бы нечто подобное происходило в России и миллионы людей стали бы ее покидать, трудно себе представить, кто бы смог принять столь впечатляющее количество мигрантов. Поэтому латвийский опыт не является универсальным. По всей видимости у каждой страны свой, индивидуальный путь, хотя существует и нечто общее, о чем я уже говорил.

В результате финансового кризиса многие люди теряют работу, некомфортно себя чувствуют, некоторые даже принимают решение уйти из жизни. Достаточно ли для преодоления такой «великой депрессии» только повышения зарплаты или нужно что-то еще? Как пример

хочу привести Индию, где много бедных людей, которые при этом чувствуют себя счастливыми — вероятно, из-за насыщенной духовной жизни. Совсем другое дело Америка, где многие преуспевающие, богатые люди чувствуют себя глубоко несчастными, постоянно посещают психоаналитика и горстями пьют антидепрессанты.

С психологической точки зрения воздействие неолиберальной политики было чрезвычайно сильно, она принесла массу бедствий и несчастий большому количеству людей на планете. Это очень сильно пошатнуло ощущение стабильности и устойчивости, в первую очередь у среднего класса. Я полагаю, чтобы сделать их счастливее, нужно в первую очередь дать им уверенность в завтрашнем дне, возможность оплатить образование детей, счета за медицинские услуги, обеспечить их достойной пенсией и т.д. В противном случае люди не будут чувствовать себя счастливыми. Что касается Индии, то там действительно много бедных, даже нищих людей, думаю, то, что они производят впечатление очень счастливых — поверхностный взгляд на вещи.

Согласны ли Вы с русской пословицей «Не в деньгах счастье»?

И да, и нет. С одной стороны, постоянное желание накопить все больше денег не приносит счастья. Конечно, человек испытывает и ряд духовных потребностей, ищет смысл жизни, склонен рассуждать о высоких материях, и ему это совершенно необходимо. С другой стороны, постоянное отсутствие средств к существованию, когда человек не может удовлетворить какие-то жизненно необходимые потребности, обеспечить свою семью также может сделать его по-настоящему несчастным и даже заставить вести счеты с жизнью. Поэтому я бы ответил так: деньги сами по себе не приносят счастья, однако они нужны для того, чтобы человек чувствовал себя человеком. ■

ПЭС 13131/04.09.2013